

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДЕЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Подъ редакцію Предсѣдателя Этнографического Отдѣленія

В. И. Ламанского

и члена-сотрудника Н. Н. Виноградова

Выпускъ III

Годъ XVII

1908

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка 117.
1908.

Якуты въ ихъ домашней обстановкѣ.

(Этнографический очеркъ).

В. Ф. Трощанскаго¹⁾.

Предлагаемый вниманию читателей „Живой Старины“ очеркъ представляетъ собою отрывокъ изъ подготовляемаго мною къ печати посмертнаго труда В. Ф. Трощанскаго: „Наброски о якутахъ Якутского округа“, первыя двѣ главы коихъ посвящены, главнымъ образомъ, описанію домашней обстановки якутовъ. Въ октябрѣ мѣсяцѣ мин. 1907 г. онъ были прочтены мною въ засѣданіяхъ Императ. Русскаго Геогр. Общества по Отдѣленію Этнографіи по слѣдующей программѣ, исчерпывающей содержаніе обѣихъ помѣщаемыхъ ниже главъ:

Зимнее жилище—юрта или балаганъ. Лѣтнее жилище—берестяная юрта (ураса). Внѣшняя и внутренняя обстановка жилища. Каминъ. Культъ огня. Роль хозяйки, какъ хранительницы очага. Мебель юрты. Хозяйственный инвентарь якутской семьи: посуда, одежда, разныя хозяйственныя принадлежности.

Наружность якутовъ и якутокъ. Два физическихъ типа якутовъ.

Въ текстѣ мною сдѣланы незначительныя вставки и приведены якутскія названія упоминаемыхъ авторомъ предметовъ.

Эд. Пекарскій.

I.

Ѣдучи въ Якутскую область, я рисовалъ себѣ самыя мрачныя картины жизненной обстановки якутовъ на основаніи тѣхъ отрывочныхъ свѣдѣній, которые случайно долетали до меня. Но вотъ, не дѣлзжая верстъ 200 до Якутска, мнѣ представился случай ознакомиться съ жильемъ того народа, среди котораго предстояло коротать дни. То, что я при этомъ увидѣлъ, только реализовало въ конкретной формѣ мои болѣе или менѣе неопределенные страхи и произвело на меня самое удручающее впечатлѣніе.

¹⁾ Автора изслѣдований: „Эволюція черной вѣры (шаманства) у якутовъ“ Казань, 1902.

На одной изъ почтовыхъ станцій мѣш предложили осмотрѣть якутскую юрту, которая находилась, по словамъ почтодержателя, въ нѣсколькихъ шагахъ. Я вышелъ на дворъ и, пройдя немнога, остановился въ недоумѣніи, такъ какъ нигдѣ не оказывалось и признаковъ человѣческаго жилья. Но каково же было мое удивленіе, когда мы указали на какой-то коричневый холмъ съ небольшимъ отверстиемъ, заткнутымъ льдиной, и сказали, что вотъ именно этотъ холмъ и есть якутская юрта, а льдина — не что иное, какъ окно. Нужно замѣтить, что сами якуты никогда не называютъ своего жилья юртой¹). Для обозначенія вообще всякой жилой постройки у нихъ есть слово дїа (= ціа), а то, что русскіе называютъ юртой, они зовутъ балаганомъ (балаған). Балаганъ — слово персидское; принесли ли якуты съ собою это слово или заимствовали его у русскихъ — неизвѣстно, но что сама постройка заимствована у послѣднихъ — болѣе чѣмъ вѣроятно. Помнится, я читалъ гдѣ-то описание старинныхъ казачьихъ куреней, и, помнится, принципъ постройки ихъ тотъ же, что и якутскихъ балагановъ. Правда, самый принципъ этой постройки до того простъ, что можно бы, разумѣется, обойтись и безъ заимствованія, но, — въ виду того, что якуты заимствовали у русскихъ даже такой, простой конструкціи и въ то же время крайне необходимый, предметъ, какъ столь (о трехъ ножкахъ), называющійся по-якутски остуол, — трудно предположить, что до постройки балагана, требующей болѣе значительной сообразительности и технической сноровки, они додумались сами. Кроме того, едва ли якуты имѣли возможность, до пришествія русскихъ, срубать и обдѣлывать болѣе или менѣе толстыя деревья своими первобытными инструментами, — туземное происхожденіе теперешняго якутскаго топора для меня весьма сомнительно, такъ какъ его форма решительно ничѣмъ не отличается отъ формы русскаго топора. Къ тому же, въ одной сказкѣ, дѣвушка, обращаясь къ матери, говорить: „Достань, дай мнѣ ремень, которымъ я увязываю сѣно и дерево. Дай оправленный оловомъ ножъ, которымъ

¹) Якутское слово сурт (пепелище) = тюрк. јурт (место жительства стоянка, жилище), отъ которого происходитъ русское юртъ или юрта, встрѣчающееся въ обиходной рѣчи, очень рѣдко, въ значеніи „лѣтника“, „зимника“ (кысычи, сурт) или заброшенного жилья (хѣбыт сурт), чаше — въ названіяхъ мѣстностей: Кылаи сурда, Хотур сурда, Сурт сысы и пр. По Сирошевскому („Якуты“, 347), сурт назывались мѣста, где пасли скотъ: „быль кобылій суртъ; быль коровій суртъ. Якуты перебирались изъ урасы въ урасу, изъ сурта на суртъ“.

я играю — строгаю траву и дерево! Дай топоръ, которымъ я играю — перерубаю траву и дерево!“¹⁾ Во-первыхъ, мы видимъ, что запасать сѣно и дрова лежало на обязанности женщинъ, а потому топоръ не могъ быть такимъ тяжелымъ, какимъ мы его видимъ теперь; во-вторыхъ, онъ не могъ быть такимъ и потому, что его съ одинаковымъ удобствомъ употребляютъ для „перерубки“ травы и дерева; наконецъ, онъ употребляется наравнѣ съ ножомъ, а потому, въ качествѣ орудія, не можетъ значительно отличаться своею приспособленностью къ обработкѣ, а главное — къ рубкѣ болѣе или менѣе толстыхъ бревенъ. Но имѣются еще основанія въ пользу того, что балаганъ — не якутскаго происхожденія.

Еще и теперь можно встрѣтить кое у кого изъ богачей коническую юрту изъ бересты, которая имѣеть специальное якутское название — ураса²⁾. Ея постройка очень характерна для якутской техники, а потому я и скажу нѣсколько словъ объ ней.

Ураса, которую я специально осматривалъ, имѣеть около $3\frac{1}{2}$ саж. вышины и, по формѣ, напоминаетъ сахарную голову, такъ какъ линія продольного сѣченія урасы — кривая. Оконъ нѣть, но она освѣщается свѣтомъ, падающимъ сверху черезъ дымовое отверстіе, которое очень велико; въ ней имѣется дверь, въ старину лѣтомъ завѣшивавшаяся берестой, а зимой шкурами. Я буду описывать урасу въ томъ порядкѣ, какъ она строится. Нужно замѣтить, что урасу можно строить изъ самаго мелкаго лѣса. Прежде всего, вкапываютъ вертикально столбы, — въ осмотрѣнной мною юртѣ ихъ было 12, — вышапою въ сажень на разстояніи отъ $2\frac{1}{2}$ до 3 арш. другъ отъ друга; внизу между каждыми двумя столбами врублены горизонтально два бревна, лежащія другъ на другѣ. Въ верхніе концы столбовъ врублены дугообразныя плахи, такъ что получается деревянный кругъ (ортокурд^у), поддерживаемый столбами. Отступя наружу аршина $1\frac{1}{2}$ отъ столбовъ, вкапываютъ наклонно длинныя, гладко выстроганныя жерди такъ, что они лежать на вышеупомянутомъ деревянномъ кругѣ; жерди вкапываются на разстояніи вершковъ 4-хъ другъ отъ друга. Затѣмъ, изъ двухъ или трехъ выгнутыхъ и связанныхъ между собою жердей дѣ-

¹⁾ Худяковъ, И. А. Верхоянскій Сборникъ. Ирк. 1890, стр. 93.

Э. П.

²⁾ Ср. бурятское *uruse* (палаточное или шатерное древко), которое Castrén (*Versuch einer burjäischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichniss*. St. Petersburg, s. 102b) сравниваетъ, впрочемъ, съ якутскимъ *урабас* — шестъ, жердь.

Э. П.

лаютъ кольцо, равное по величинѣ кругу примѣрно средняго съчепія предполагающагося конуса, и насаживаютъ его на пропущенные внутрь жерди, нажимая ихъ на деревянный кругъ; одна треть жердей—такой длины, что концы ихъ связываются между собою въ верхушкѣ конуса, тогда какъ остальная не доходятъ до вершины аршина $1\frac{1}{2}$ или 2 и ихъ концы привязываются къ другому, гораздо меньшему кругу изъ крученыхъ талинь. На этотъ остовъ изъ жердей надѣвается плотно пригнанный берестаный покровъ, сшитый конскими волосами изъ небольшихъ кусковъ бересты; затѣмъ, этотъ покровъ еще обкладывается кусками бересты, но уже не сшитыми, а сверхъ всего этого лежать также вкопанныя нижними концами жерди, которая опять пригнетаются посрединѣ кольцомъ; съ верхними концами жердей поступаютъ какъ и въ предыдущемъ случаѣ. Въ серединѣ урасы устраивается холумтан или состуок (русс. шестокъ)—деревянный ящикъ вышиною въ 4—5 вершковъ, плотно набиваемый глиной и служащий очагомъ. По обѣ стороны очага вкопано по столбу въ $2\frac{1}{2}$ арш. вышиною; столбы (ачах или kölö) соединены между собою перекладиною, имѣющею сквозной продольный прорѣзъ, въ которомъ движутся деревянные крючки (köхö) для навѣшиванія котловъ¹⁾. Отъ нижнихъ бревенъ, соединяющихъ основные столбы, идутъ къ берестяному покрову неподвижныя лавки, ороны, вокругъ всей урасы, оставляя свободнымъ только пространство противъ дверей.

Въ нашемъ²⁾ наслегѣ имѣется только три урасы, и въ нихъ живутъ лѣтомъ; въ настоящее время ихъ почти не строятъ³⁾, такъ какъ онѣ очень дорого стоять, а для лѣтняго помѣщенья устраиваются такие же балаганы, какъ и для зимняго, но только изъ болѣе мелкаго лѣса. Если бы якуты умѣли строить свои балаганы до прихода русскихъ, то имъ, значитъ, известно было бы и слово балаганъ, а потому нужно было бы признать, что они принесли съ собою изъ своей прежней родины какъ самое слово, такъ и умѣніе строить балаганы, но, въ такомъ

¹⁾ У г. Сѣрошевскаго („Якуты“, стр. 350) ошибочно перекладины названы ачах; затѣмъ, у него же, а также у Маака (Вил. окр., III, стр. 46) деревянные крючья ошибочно назнаны kölö вм. köхö. Э. П.

²⁾ Авторъ жилъ въ З-емъ Жексогонскомъ наслегѣ Ботуруескаго улуса Э. П.

³⁾ Въ упомянутомъ наслегѣ богатый родовичъ Н. П. Сѣнцовъ, бывшій голова улуса, выстроилъ на своей усадьбѣ урасу съ цѣлью сохранить для потомства этотъ родъ стариннаго якутскаго жилья, признаваемаго Сѣрошевскимъ (Якуты I, 347) „за самую древнюю форму якутскихъ жилищъ“. Э. П.

случаѣ, такія же постройки должны были бы быть и у ихъ родичей—бурятъ, изъ настоящаго мѣстожительства которыхъ якуты и пришли сюда, по тамъ ихъ нѣть. Съ другой же стороны, если имъ были известны балаганы, то, въ такомъ случаѣ, что могло побудить ихъ строить урасы, которая хуже защищаются отъ стужи и непогоды и требуютъ больше труда и трудно добываемаго материала? Можно подумать, что опѣ строились только для лѣтнихъ помѣщеній, но и это невѣрно, такъ какъ у якутовъ сохранилось название буор ураса, указывающее, что эти сооруженія обкладывались дерномъ или обмазывались глиной, а это могло дѣлаться только съ помѣщеніями, предназначавшимися для зимы¹⁾). Предположить же, что якуты сами додумались до постройки балагана на своей новой родинѣ, также невозможно, потому что тогда они удержали бы круговую форму, замѣнивъ только бересту и жерди сплошными стѣнами изъ бревенъ и построивъ потолокъ. Круговую форму они должны были бы сохранить какъ потому, что она была имъ болѣе привычна, такъ и потому, что въ первое время имъ легче было бы строить круговые балаганы, чѣмъ четырехугольные. Кроме того, я не могу допустить, чтобы народъ, сумѣвшій самостоятельно дойти до постройки балагана, связывая оставъ его разнообразными зарубками, сохранилъ до прихода русскихъ свой столь, который состоялъ только изъ столешницы, спитой изъ бересты и прикрепленной къ четыремъ палкамъ, связаннымъ между собою по угламъ;—сохранилъ бы до настоящаго времени свои нарты (сани) въ первобытномъ ихъ видѣ, скрѣпляя между собою различные части ремнями,—даже копылья привязаны или, вѣрнѣе сказать, пришиты узкими ремнями къ подозьямъ. Я полагаю, что спитые нарты болѣе соотвѣтствуютъ спитой урасѣ и спитой же берестяной посудѣ, а если прибавить еще, что даже выгребныя лопаты спиваются изъ мелкихъ досточекъ, которые прикрепляются ремешками къ рукояткамъ,—что лодки и деревянныя части съдель также спиваются,

¹⁾ Въ Колымскомъ округѣ и до сихъ порь якуты живутъ „въ коническихъ обсыпанныхъ землею чумахъ“. Записки Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. Общ., т. II. вып. I. Ирк. 1892: Очерки крайняго сѣверо-востока. И. Шкловскаго, стр. 37.

Прим. автора.

По сообщенію В. И. Іохельсона, эти коническія обложенія дерномъ (во не обсыпанныхъ землей) юрты встрѣчаются у якутовъ глубокаго сѣвера какъ въ Колымскомъ, такъ и въ Верхоланскомъ округѣ (въ послѣднемъ округѣ чаще). Въ нихъ живутъ только лѣтомъ во время промысла рыбы. В. И. Іохельсонъ рассматриваетъ этотъ типъ лѣтняго жилья якутскихъ рыболововъ заимствованіемъ отъ осѣвшихъ тунгусовъ. Объякутѣвшіе (по языку и образу жизни) тунгусы устья Лены лѣтомъ живутъ въ такихъ урасахъ.

Э. П.

то для насъ станетъ вполнѣ ясно, что принципъ постройки балагана совершенно иной и не имѣть ничего общаго со спи-
ваніемъ, которое у якутовъ было единственной технической
основой¹).

Но, какъ бы то ни было, передъ нами стояло человѣческое
жилье-юрта, а отверстіе, заткнутое льдиной, дѣйствительно, ока-
залось окномъ, обращеннымъ къ югу, тогда какъ съ восточной
сторонѣ обнаружилась дверь, обшитая коровьей шкурой.

Былъ мартъ мѣсяцъ. Въ воздухѣ тепло, но земля покрыта
еще толстымъ слоемъ снѣга. Лека скована непроницаемой бро-
ней, и, какъ ни старается солнце разжечься, — ничего не вы-
ходитъ.

Только на этой коричневой глыбѣ и подъ нея вѣтъ снѣга,
только надъ ней струится воздухъ отъ легкой испарины, далеко
разнося ароматъ якутской весны, — ароматъ, отъ которого го-
нить; въ немъ преобладаетъ йдкій запахъ амміака съ запахомъ
горѣлаго навоза, потому что, въ это время года, обсохшая на
поверхности юрта тамъ и сямъ загорается отъ падающихъ изъ
трубы искръ, и якутки съ ребятишками постоянно засыпаютъ
снѣгомъ или заливаютъ водою загорѣвшіяся мѣста. Горитъ ко-
ровій навозъ, которымъ облѣплена юрта поверхъ глиняной об-
мазки.

Обыкновенно каждую осень, когда начинаетъ и днемъ под-
мораживать, якутскія женщины набрасываютъ на стѣны юрты
лопатами свѣжій коровій навозъ безъ всякой подмѣси, а затѣмъ
разглашиваютъ его, и эта работа производится ежедневно не-
дѣли двѣ, по мѣрѣ накопленія смазочнаго материала, — вотъ по-
чему весной эта глыба, постепенно оттаивая, благоухаетъ. Къ
тому же, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ жилья вы можете уви-
дѣть цѣлые горы коровьяго навоза, накопившагося за зиму, а
иногда и за много зимъ, потому что не всегда его лѣтомъ сжи-
гаютъ; онъ также таетъ въ эту пору и также возвѣщаетъ
своимъ благоуханіемъ о наступленіи весны, — якутской весны
съ глубокимъ снѣгомъ и отвратительнымъ смрадомъ. Судя по
величинѣ этихъ горъ, вы можете составить себѣ понятіе о сте-

¹) По мнѣнію Миддендорфа (Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири, ч. II, отд. IV. Спб. 1878, стр. 780), якутскій народъ „перенялъ у тунгусовъ ихъ зимнее жилье, ютѣнъ, но не передѣлалъ его, а удовольствовался только расширеніемъ его“; ютѣнъ — охотничій шалашъ, устроенный изъ конусообразно-поставленныхъ жердей, съ отверстиемъ вверху, и обмазанный глиною или обложеніемъ дерномъ. „Основное различіе тунгусско-якутскаго срубленнаго дома отъ русскаго заключается въ отвѣсномъ (вместо горизонтальнаго) по-
ложеніи бревенъ“ (ibidem). Ср. Сироцевскій, „Якуты“, стр. 362—3. Э. П.

пени благосостояния хозяина; это—едва ли не единственное върное мѣрило, такъ какъ жизненная обстановка якутовъ ниживаютъ въ такой же обстановкѣ, какъ и бѣдные, и зачастую признаешь даже богача по его домашней обстановкѣ и обычной одеждѣ, особенно богача, нетронутаго цивилизацией, т.-е. неграмотнаго и неѣздящаго въ г. Якутскъ.

Но такъ какъ мы въ скотоводческой странѣ, то весьма естественно, что картина весны пріобрѣтаетъ окончательно пасторальный характеръ отъ присутствія на ея фонѣ коровъ и телятъ, еще болѣе оттѣняющихъ характеръ этого края. Да, глядя на этотъ жалкій, мелкій, истощенный скотъ, съ уродливыми рогами и копытами, съ плотно присохшимъ на бокахъ и на заднихъ ногахъ толстымъ слоемъ навоза, который отвалился только къ серединѣ лѣта вмѣстѣ съ шерстью, съ такимъ же образомъ облѣпленнымъ хвостомъ, со взбитой, грязной шерстью, мѣстами вытертой, съ отвратительнымъ запахомъ, распространяющимся вокругъ этихъ скрючившихся коровъ и телятъ,— вы уже предчувствуете, что вѣсъ ожидаетъ въ юртѣ.

Вотъ, прежде всего, чѣмъ поражаетъ вѣсъ жизнь якутовъ,— поражаетъ ваше зрѣніе, обоняніе и дыханіе. Но не поддавайтесь этимъ впечатлѣніямъ, а главное—не дѣлайте никакихъ обобщеній и сближеній подъ влияніемъ благоуханія якутской весны, а то рискуете очутиться въ положеніи человѣка, отравляющаго несуществующую Америку. Въ такое положеніе попадаютъ многіе русскіе, незнающіе якутскаго языка, но имѣющіе слабость къ стремленію пролить свѣтъ истины на основаніи данныхъ того же языка. Каждый изъ нихъ обязательно откроетъ, что саха, которымъ называютъ себя якуты, имѣть общий корень со словомъ сѣхъ, коровій навозъ, а затѣмъ дѣлаются болѣе или менѣе неожиданныя сближенія и заключенія. Но постарайтесь запомнить, что между этими двумя словами—какъ увѣряютъ прекрасно знающіе языки и практическіи, и теоретическіи—не существуетъ никакого лингвистического родства. Когда уже были написаны эти строки, мнѣ пришлось прочесть въ высшей степени забавное открытие въ этомъ родѣ, превзошедшее свою бойкостью всѣ извѣстныя мнѣ анекдотическія открытия. В. Л. Приклонскій напечаталъ въ Извѣстіяхъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. Общества за 1887 годъ¹⁾, что якуты

¹⁾ Томъ XVIII. Ирк. 1888. См. также въ „Живой Старинѣ“ 1890, вып. II: Три года въ Якутской области (Этнографические очерки), гл. II, стр. 32. Э. П.

„носить название саха—навозъ“ (стр. 13). Чего можетъ быть проще и вразумительнѣе: якуты такъ-таки прямо и называютъ себя навозомъ! А между тѣмъ, какъ я уже говорилъ выше, для народа и навоза существуютъ два разныхъ слова; но по-ченный авторъ „Материалы по этнографии якутовъ“ не подозрѣвалъ этого, а разъ онъ этого не подозрѣвалъ, то, разумѣется, никакія сомнѣнія не колебали его решимости обогатить этнографію и иныхъ науки, и онъ обогащаетъ слѣдующимъ пріемъчавіемъ: „Навозомъ обмазывали и обмазываютъ юрту; изъ навоза дѣлали и дѣлаютъ посуду (?) ; за отсутствиемъ глины хозяйство якута безъ навоза немыслимо“. Начать съ того, что обмазка якутами своего жилья началась, по всѣмъ вѣроятіямъ, недавно, такъ какъ въ сказкахъ нигдѣ не встрѣчается указаній на то, чтобы юрты обмазывались навозомъ, а всегда опѣ обкладывались землей; затѣмъ тунгусы называютъ якутовъ „земляными“ (буор сахалар¹), а не навозными. Далѣе, неизвѣстно, о какой посудѣ говорить авторъ? Разъ глины совсѣмъ нѣть, то, значитъ, и горшки дѣлаютъ изъ „навоза“ — что можетъ быть любопытнѣе для этнографа? Но фактъ тотъ, что „изъ навоза“ якуты не дѣлаютъ никакой „посуды“²). Я живу 8-й годъ среди якутовъ, и мнѣ пришлось только одинъ разъ видѣть нѣчто въ родѣ большой ванны, сдѣланной изъ коровьяго „навоза“; въ ней якуты обмазываютъ зимою хлѣбъ, а потому происхожденіе этой навозной посуды позднѣйшее, такъ какъ якуты стали сѣять хлѣбъ очень недавно. Что же касается до того, будто Якутская область представляетъ изъ себя песчаную Аравію, то я ужъ и не знаю, какъ назвать это открытие. Глины въ Якутской области даже болѣе, чѣмъ нужно, и только на берегахъ болѣе или менѣе значительныхъ рѣкъ имѣются пески. Я живу въ 200 верстахъ отъ г. Якутска у небольшой рѣчки³) и, чтобы имѣть песокъ, которымъ обмазывается деревянная лопатка, употребляемая для правки косы, я вынужденъ возить его для себя — а всего то мнѣ нужно фунтовъ 7—8 —

Э. П.

¹⁾ Худ., стр. 68.²⁾ Говоря, что якуты дѣлаютъ изъ навоза посуду, покойный Приклонскій имѣлъ въ виду, по всей вѣроятности, ту большую чашу изъ навоза, которую онъ описываетъ такъ: „Съ наступлениемъ морозовъ всыпаютъ кучу сиѣга въ видѣ полушарія, облагаютъ его свѣжимъ коровьимъ пометомъ и, когда опѣ замерзнетъ, то, повернувъ, получаютъ большую чашу, которую обливаютъ водой, наводятъ глазурь (подобно ступкѣ), и въ эту-то чашку сливаютъ жидкій тарь изъ ушатовъ“ (Жив. Ст., ор. с., стр. 43). Тарь — происшедшее за лѣто молоко.

Э. П.

Э. П.

³⁾ Татты, лѣваго притока Алдана.

изъ-за 35 верстъ, да и тамъ онъ имѣется на небольшомъ клочкѣ земли, а въ большомъ количествѣ можно его достать только въ 20-ти верстахъ на р. Амгѣ. Но вернемся къ прерванному разсказу.

Итакъ, я вижу передъ собою усѣченную четырехугольную пирамиду коричневаго дѣта, вышиною аршина въ 4, съ закругленными углами и съ расплывающимся основаниемъ, съ едва выпуклой земляной крышей, обложенной по краю невысокими бортами изъ навоза, съ наискосъ торчащей трубой изъ жердей, скрѣпленныхъ тальниковымъ кольцомъ и вымазанныхъ съ внутренней стороны глиной.

Я обратилъ ваше вниманіе на то, что двери юрты выходили на востокъ, и это не случайность, такъ какъ даже и въ настоящее время у громаднаго большинства юртъ двери всегда выходятъ на востокъ, а въ старину это было общимъ правиломъ. Герой одной сказки, построивъ себѣ юрту, говоритъ: „Веселнее мое солнце, кажется, съ этой стороны всходить“ и выбралъ въ одномъ мѣстѣ часть стѣны, чтобы тутъ была входная-выходная дверь¹). Чѣмъ это объясняется? Естественно, если якуты предпочитаютъ устраивать на южной сторонѣ окна, чтобы, какъ говорится въ варианѣ той же сказки, „мое девятивъ лучистое полное (т.-е. во время полудня) солнце, поворачиваясь на югъ, закинуло свои лучи въ домъ“²); точно такъ же понятно, почему они загораживаютъ свою юрту съ сѣверной стороны хотономъ (коровникъ). Но затѣмъ для нихъ должно быть безразлично—устроить ли двери на востокъ или на западъ. Почему же они предпочитаютъ востокъ? Нужно думать, что въ старину якуты считали необходимымъ, чтобы первое, что имъ представляется при выходѣ поутру изъ юрты, было живоговорящее солнце. То обстоятельство, что якуты считали для себя обязательнымъ обращаться въ известныхъ случаяхъ лицомъ къ востоку, находитъ подтвержденіе и въ томъ фактѣ, что они и о своемъ скотѣ думаютъ то же самое, т.-е. они думаютъ, что ихъ скотъ предпочитаетъ стоять, обращая свои взоры къ востоку, потому что переднюю часть скотины они называютъ восточной, и если вы желаете купить переднюю часть туши, то должны назвать ее восточной³). По-якутски одинъ словомъ

¹⁾ Н. Городовъ Юрюнгъ Уоланъ. Якутская сказка. Ч. 1-я (Изв. Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. т. XV, №№ 5—6, 1884 г. Ирк. 1885, стр. 44). Э. П.

²⁾ Худ., стр. 132.

³⁾ Въ якутскомъ языке іїн значить: передъ и востокъ, передний и восточный. Э. П.

(зр 5 а)
левой с
скимъ лѣ
ханы ху
ходить е
сь другой
изъ долин
Сибирь¹).

Если
ва одежда
женіе про
наго, то мн
имо важно
утрачено,
перъ якут
въ видѣ п
богомъ у.

Я не р
сахта), ко
имѣть ана
ю и все-тай
что кругова
слѣдователь
гораздо тру
инструмента
акую-нибудь
гихъ случаи
принося же
шапки задомъ
изображеніе
ствія при же
чны изгоня
прѣзжаетъ в
съ тою цѣль
ваго же дни
свенные дока
днъ Солнце;
раженія почте
¹⁾ Соображен
люція съверной въ
зона и на

(арб^а) означается спина, тыль и западъ, съверъ называется лѣвой стороной (хаңас), а югъ правой (уңа). „По китайскимъ лѣтописямъ,— говоритъ Д. Банзаровъ въ „Черной вѣрѣ“,— ханы хунскіе задолго до христіанской эры имѣли обычай выходить ежедневно утромъ для поклоненія солнцу“ (13—14); съ другой стороны, персы—солнцепоклонники, а якуты вышли изъ долины Заревшана въ съверную Монголію, а оттуда въ Сибирь¹⁾.

Если же взять во вниманіе еще и то обстоятельство, что на одеждѣ шамана, въ которой онъ камлаетъ, имѣется изображеніе продыравленнаго въ центрѣ солнца (күн), т.-е. обезсиленаго, то мы должны будемъ признать, что въ старину солнце занимало важное мѣсто въ вѣрованіяхъ якутовъ, но что оно (мѣсто) утрачено, и утрачено, повидимому, очень давно, такъ какъ теперь якуты, на мои вопросы по этому поводу, высказали только въ видѣ предположенія, что нѣкогда солнце было, вѣроятно, богомъ у якутовъ.

Я не рѣшаюсь утверждать, что и металлическій кругъ (туосахта), который нашиваютъ якутки спереди на свои зимнія шапки, имѣть аналогическое значеніе съ кругомъ шаманскаго костюма, но я все-таки считаю возможнымъ упомянуть объ этомъ, потому что круговая форма украшенія встрѣчается только на шапкѣ²⁾, а, следовательно, она не можетъ быть случайной, тѣмъ болѣе, что гораздо труднѣе сдѣлать металлическій кругъ незамысловатыми инструментами якутскаго кузнеца, чѣмъ четырехугольникъ или какую-нибудь неправильную фигуру, какъ и дѣлаютъ въ другихъ случаяхъ. Знаменательно то обстоятельство, что женщины, принося жертву богинѣ родовъ [ајысит], надѣваютъ свои шапки задомъ напередъ,—не устраниютъ ли онѣ, такимъ образомъ, изображеніе солнца, которое считается мужчиной, отъ присутствія при жертвоприношеніи, такъ какъ въ это время все мужчины изгоняются изъ юрты? Интересно и то, что невѣста прѣѣзжаетъ въ домъ жениха до восхода солнца и, вѣроятно, съ тою цѣлью, чтобы, въ качествѣ новаго члена семьи, съ перваго же дня встрѣтить солнце. Но имѣются еще и другія косвенные доказательства. Күн тоjon—собственное имя, Господинъ Солнце; слово күн, солнце, употребляется также для выраженія почтенія; солнце въ полномъ блескѣ называется „лас-

¹⁾ Соображенія автора о прародинѣ якутовъ см. въ его изслѣдованіи: „Эволюція черной вѣры (шаманства) у якутовъ“, стр. 12—17. Э. П.

²⁾ Так же и въ серебряномъ грудномъ украшеніи, свѣшивающемся ниже пояса и называемомъ шин кабісэр. Э. П.

ковымъ солнцемъ^а (аламаі күн). Күн һайн буолла! по-
меркло солнце, прости солнце! — восклицаніе, съ которымъ уми-
рающій якутъ разстается съ жизнью. Солнце имѣть еще эпи-
теты: почтеннѣйшій чародѣй и слѣдящая особа. Күн уота-
солнечные лучи, т.-е. солнечный огонь, а огонь у якутовъ —
божество и, въ то же время, сынъ солнца¹).

Но войдемъ же, паконецъ, въ юрту, хотя, по правдѣ скажать, торопиться нечего, такъ какъ едва только вы успѣете сунуть носъ въ это логовище, какъ васъшибаетъ такой аро-
матъ, котораго вы нигдѣ не встрѣтите. Я не въ силахъ опре-
дѣлить ароматъ якутской юрты. Если вы спросите якута, ка-
ковъ, напримѣръ, вкусъ водки или уксуса, онъ отвѣтитъ, что
то и другое не такъ ъдки, какъ желчь, но болѣе ъдки, чѣмъ
соль, — такъ они опредѣляютъ всѣ вкусовыя ощущенія веществъ
не-сладкихъ. Къ тому же способу опредѣленія и я вынужденъ
прибѣгнуть, чтобы дать хотя приблизительное понятіе объ атмо-
сферѣ юрты. Она менѣе ужасна, чѣмъ смрадъ отъ падали, но
невыносимѣе атмосфера казарменныхъ отхожихъ мѣстъ глу-
хихъ провинцій, — въ юртѣ и этотъ запахъ имѣется въ болѣе
или менѣе достаточномъ количествѣ, такъ какъ дѣти до трехъ-
четырехлѣтняго возраста совершаютъ всѣ свои отправлѣнія на
полу и гдѣ придется въ теченіе всей зимы, а полъ — земляной
и никогда не исправляется, какъ это дѣлается съ земляными
подами на югѣ Россіи. Къ этому запаху примѣшиваются въ
большомъ количествѣ ъдкій амміачный запахъ хотон'а, ко-
торый часто бываетъ даже совсѣмъ не отгороженъ отъ жилой
юрты, и оба помѣщенія имѣютъ общую входную дверь, такъ
что либо скотъ проходитъ въ хотонъ черезъ край юрты, либо
люди проходятъ въ юрту черезъ край хотон'а. При входѣ въ
юрту, у васъ сейчасъ же завертитъ буравомъ въ носу, потомъ
крутнетъ во лбу и запершилъ въ горлѣ, а затѣмъ станетъ
тошнить, но вы мужайтесь, ибо, въ концѣ концовъ, придется
свыкнуться съ подобнымъ запахомъ.

Входя въ юрту, будьте осторожны, такъ какъ, кромѣ нечи-
стотъ, на которыхъ вы легко можете наступить, на полу масса
выбоинъ, и вы можете свалиться и испачкать не только

¹) Во время весеннаго праздника устраивается ысыах [кумысная попой-
ка] съ жертвоприношеніемъ, и въ одной сказкѣ говорится: „Бѣлый Юноша
развѣлъ убитаго дьявола по землѣ на ысыах солнцу и мѣсяцу“ (Худ.
161). Итакъ, солнцу приносятъ жертвы, какъ божеству, и приносили не толь-
ко во время весеннаго праздника, но и въ другихъ случаяхъ.

обувь. Предположимъ, вы благополучно укрѣпились въ какомъ-нибудь пунктѣ юрты и начинаете осматриваться въ этомъ полу-мракѣ подвала, который съ одной стороны освѣщается огнемъ камина, а съ другой—едва пробивающимся черезъ оконные льдины, покрытые слоемъ инея, дневнымъ свѣтомъ. Прежде всего, вамъ бросаются въ глаза ребятишки въ количествѣ достаточномъ, чтобы отравить жизнь бѣдняка, но только не якута, потому что онъ въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, выносливъ,—выносливъ, какъ и его коровы, быки, лошади; всѣ они выносятъ самыя, казалось бы, невозможныя условія существованія. Якутъ тупо относится къ тому, что его ребятишки живутъ впроголодь, какъ потому, что это—нормальное положеніе большинства якутскихъ ребятъ, такъ и потому, что онъ самъ, его жена, его престарѣлые родители, его скотъ, его собака и кошка живутъ впроголодь изо дnia въ день всю жизнь и только изрѣдка насыщаются до отвалу; и можно съ увѣренностью сказать, что даже мыши его юрты живутъ голодомъ, такъ какъ поживиться у хозяина нечѣмъ. Это—страна систематического голодаія. Существуетъ разсказъ, что какой-то еврей пріучилъ свою лошадь къ тому, чтобы она обходилась безъ пищи, и что это ему удалось блестательно, но на бѣду она околѣла. Можно подумать, что этотъ еврей набрѣлъ на такую счастливую мысль, живя среди якутовъ и видя, какъ они добиваются того же, но безъ достаточной выдержки. Мы разсказывали такой характерный случай изъ якутской жизни. Былъ старый якутъ, имѣвшій много рогатаго и коннаго скота, но ни онъ самъ, ни его семья никогда не ёли мяса, а потому, разумѣется, зиму жили впроголодь. Каждую осень онъ выбиралъ обыкновенно самую тощую корову, которую нужно было бы усиленно кормить, чтобы она могла дожить до лѣта, и убивалъ ее, а мясо держалъ для тѣхъ случаевъ, когда проѣздомъ оставался у него ночевать какой-нибудь почетный якутъ, котораго нельзя не кормить мясомъ. Однажды другой якутъ заявилъ на наслежномъ собрапіи, что онъ, будучи сосѣдомъ этого богача, опасается быть обвиненнымъ въ томъ, что допустилъ его или кого-либо изъ его семейства умереть голодной смертью, а потому считаетъ необходимымъ поставить общество въ извѣстность о возможности подобного печального случая и предложить, для отвращенія его, назначить кого либо, кто выбралъ бы у голодающаго богача нѣсколько жирныхъ скотинъ, убилъ бы ихъ и кормилъ его и его семейство мясомъ, ибо онъ самъ, по своей крайней скучости, никогда не рѣшился на это. Все общество выслушало рѣчь молча и

вполнѣ серьезно,—на это якуты большіе мастера. Скардъ же, по окончаніи рѣчи, испугавшись, что его станутъ черезъ мѣру кормить мясомъ, поспѣшилъ уѣхать домой, а дома велѣлъ поймать самую жирную кобылу и убить ее,—такъ онъ и его семейство стали ъсть мясо. Это не анекдотъ, а дѣйствительный случай.

Якуты отѣдаются лѣтомъ, когда у нихъ много молока, а наѣдаются до отвалу, въ началѣ осени, хоть одинъ разъ: такъ какъ въ это время многіе бываютъ скотъ, то и бѣдняку удается поѣсть гдѣ-нибудь мяса. Въ неурожайный же годъ и бѣднота бываетъ скотъ: или очень молодой (бычковъ), или очень старый, который не идетъ въ продажу. Когда какой-нибудь якутъ бываетъ скотину, то сосѣди его моментально слетаются, какъ вороны на падаль, ибо каждый гость не только поѣсть мяса, но получить еще кусокъ и на домъ. Въ виду такого обычая, вытекающаго изъ родовыхъ отношеній,сосѣди (не богачи) бываютъ осеню скотъ поочереди, и счетъ съѣденнаго сосѣдями мяса и данныхъ кусковъ ведется самымъ тщательнымъ образомъ, такъ какъ, накормивъ кого-нибудь и давъ ему мяса, я приобрѣтаю право воспользоваться у него тѣмъ же.

Богачи большую часть года живутъ сыто, но и они въ веснѣ тощаются, потому что къ тому времени и у нихъ истощается пища, которую изъ скучности запасаютъ въ недостаточномъ количествѣ. Однажды весною я замѣтилъ нашему улусному головѣ, человѣку богатому, что онъ въ послѣднее время значительно похудѣлъ, и онъ отвѣтилъ мнѣ, что весною все якуты худѣютъ,—таковъ законъ природы.

Ребятишки, которыхъ толпятся у камина, указываютъ яспо, что вы находитесь среди первобытнаго народа. Маленькия дѣти, 2—3 лѣта, совершенно голы, съ громаднѣйшими животами, тонкими ногами и руками, а тѣ, которыхъ постарше,—въ рваныхъ и въ высшей степени грязныхъ рубахахъ изъ синей дабы. У мальчиковъ головы обстрижены подъ гребенку, а у дѣвочекъ волосы заплетаются въ одну косу, туго перевязанную узенькимъ ремнемъ и увѣшанную серебряными бляшками и трубочками, а также разноцвѣтными бусами; голова же всклокочена до такой степени, что волосы торчатъ во все стороны,—совсѣмъ воронье гнѣздо. Дѣти грязны до невозможности, часто покрыты струпьями, со слезящимися глазами,—очень мало якутовъ, у которыхъ никогда не болѣли бы глаза; относительно же струпьевъ они думаютъ, что каждый ребенокъ долженъ имѣть ихъ въ известномъ возрастѣ.

Ребятиши
и иногда и
ща защищ
гуть, а тол
тратъ испо
глупе мѣст
, „учи“.
Дѣти, в
торый, при
служить це
огонь горит
время якут
руки и не
время якуты
суютъ руки
рачиваясь с
Якуты посто
пьють ли
зять уважен
житъ имъ
ни былъ бо
оспенной э
равъ, немил
Якутки
одной рубах
шкурки, а л
токъ, а на
въ однѣхъ
нихъ такая
того, всю з
ѣть сосѣдимъ
муки, щепот
хушкой (ту
широко опу
„сон“—вер
и съ разрѣз
рукавицы и
Якутъ, соби
ваетъ себѣ у
опять же „с
рукавицы, и
шимъ то

Ребятишки, при видѣ „нучи“ (нучи—русскій), съ испугомъ, а иногда и съ плачемъ бросаются къ взрослымъ членамъ семьи, ища защиты; женщины не менѣе пугаются „нучи“, но не бѣгутъ, а только поглядываютъ съ опаской, да и мужчины смотрятъ исподлобья на незнакомаго „нучу“. Вообще, чѣмъ глупше мѣсто, тѣмъ большую сенсацію производитъ появленіе „нучи“.

Дѣти, какъ и взрослые, постоянно толпятся у камина, который, при здѣшнихъ холодахъ въ теченіе 8 зимнихъ мѣсяцевъ, служить центромъ всей якутской жизни. Въ каминъ, впрочемъ, огонь горитъ круглый годъ, и только въ самое жаркое лѣтнее время якутка, войдя въ юрту, не подойдетъ къ камину грѣть руки и не скажетъ: „ычча“! (холодно!). Во всяко же другое время якуты обоего пола и всѣхъ возрастовъ, прия со двора, суютъ руки въ самый огонь, а затѣмъ согрѣваются сами, поворачиваясь около камина и заворачивая полы верхняго платья. Якуты постоянно сидятъ передъ огнемъ,—работаютъ ли, ёдятъ ли, пьютъ ли чай, или болтаютъ. Гостю, которому желаютъ оказать уваженіе, предлагаютъ мѣсто у камина. Каминъ же служить имъ главнымъ средствомъ лѣченія: больной, чѣмъ бы онъ ни былъ боленъ, жарится у камина по цѣлымъ днямъ; во время осенней эпидеміи я видѣлъ взрослого якута, который, захворавъ, немилосердно жарился у огня, сидя безъ рубахи.

Якутки—я говорю о массѣ—дома всегда ходятъ только въ одной рубахѣ и коротенькихъ штанахъ (зимой—изъ телячей шкурки, а лѣтомъ—изъ синей дабы), на головѣ—бумажный платокъ, а на ногахъ—кожаная обувь. Якуты сидятъ дома также въ однѣхъ рубахахъ и въ кожаныхъ штанахъ; на ногахъ у нихъ такая же кожаная обувь, но болѣе теплая; они, кроме того, всю зиму носятъ теплые набрюшники. Якутки, отправляясь къ сосѣдямъ версты за 3—4, чтобы поболтать или занять горсть муки, щепотку чаю и пр., надѣваютъ шапку (цабакка) съ верхушкой (туорчах) изъ разноцвѣтныхъ лоскутьевъ сукна и широко опущенную мѣхомъ, затѣмъ суконный или кожаный „сон“—верхняя одежда съ таліей, широкими рукавами у плечъ и съ разрѣзомъ назади до самой поясницы,—надѣваютъ также рукавицы и въ такомъ видѣ отправляются по 40—48° морозу. Якуть, собираясь ёхать за дровами или за сѣномъ, подвязываетъ себѣ уши бумажнымъ платкомъ, надѣваетъ мѣховую шапку, опять же „сон“, но короткій и безъ разрѣза,—береть теплыхъ рукавицы, иногда обвязываетъ физіономію шарфомъ или большими теплыми женскимъ платкомъ и въ такомъ видѣ ёдетъ

верхомъ на быкѣ, запряженномъ въ сани, и ѿдеть верстъ за 10; такимъ же порядкомъ, т.-е. верхомъ на быкѣ, возвращается онъ съ дровами или сѣномъ.

Якуты не любятъ ходить пѣшкомъ и потому, какъ бы ни былъ тяжело нагруженъ возъ и какой бы сильный морозъ ни былъ, они сидятъ верхомъ на быкѣ, напѣвая иногда свою не затѣйливую пѣсню. Если якуту представляется возможность завернуть по дорогѣ въ юрту, то онъ не пропустить удобнаго случая. При этомъ онъ ничего не теряетъ, такъ какъ у него спѣшныхъ дѣлъ нѣтъ, а выиграть можетъ хоть понюшку табаку, а, можетъ-быть, и чашку чаю, или хоть просто поболтаетъ и погреется. Онъ не заѣдетъ только въ томъ случаѣ, если везетъ сѣно, потому что не только бродящій вокругъ юрты скотъ нападаетъ на возъ, но и хозяйка, замѣтивъ остановившагося съ сѣномъ простофилю, нарочно выгоняетъ скотъ изъ хотон'а.

Богатые якуты одѣваются, разумѣется, теплѣе.

Съ другой стороны, тѣ же якуты уже съ ранней осени, когда нѣтъ еще и 10° мороза, одѣваются точно такъ же, какъ они одѣваются и въ 48° , — разумѣется, они не одѣваются теплѣе въ большие морозы не потому, что имъ было бы слишкомъ жарко, а потому, что у нихъ нѣтъ болѣе теплой одежды. Я видѣлъ, какъ якутки, отправляясь по вечерамъ въ концѣ августа доить коровъ, одѣваютъ тотъ самый „сон“, въ которомъ онъ щеголяютъ въ сильнѣйшіе морозы, и какъ онъ, возвращаясь отъ коровъ, оказывались совсѣмъ прозябшими, хотя на дворѣ было около $+8^{\circ}$. Якуты, на мой взглядъ, народъ зябкій, но только привыкшій безропотно выносить и холодъ, и голодъ, и всякия невзгоды, такъ что со стороны можно подумать, что они не чувствительны ко всему этому, хотя, несомнѣнно, чувствительность ихъ слабѣе, чѣмъ у народовъ культурныхъ. — Я вспоминаль самоедовъ, которыхъ имѣлъ случай видѣть въ Мезени. Тѣ, дѣйствительно, свыклись съ суровостью своего климата до того, что, во время поѣздокъ въ городъ по дѣламъ, они всегда привозятъ съ собой чумъ, который и разбивають на чьемъ-либо дворѣ, — изѣй они едва могутъ высидѣть минутъ 15, да и то еще выбѣгая на морозъ.